

Смерть Марины я воспринял достаточно спокойно. Во всяком случае, похоже, спокойнее, чем ожидали родители и друзья.

В первую очередь мне хотелось разобраться с бытовухой. Скорая и менты, сующие визитки похоронных агентов, морг, звонки на кладбище, деньги... Едва не забыл: написать в «ВКонтакте». У Марины было много друзей.

Похороны назначили на четверг, на одиннадцать. Денек выдался по-настоящему сказочным, будто и не октябрь вовсе. Солнце и чистейшее небо без облачка, березки с налетом желтизны на листьях, бурые кусты. Воздух пахнет прохладой, листвой и выхлопными газами от подъехавших машин.

Наталья Арсеньевна рыдает, но тихо. Неизвестные мне родственники держатся группками и изучают землю под ногами. Пришли спортсмены — человек семь. Некоторых знаю в лицо. Альпинисты и парашютисты. Учитывая, что с Мариной было знакомо полмира, группа выглядит не слишком внушительно. С другой стороны — пришли ведь! Значит, она и впрямь что-то для них значила.

Предлагают мне сказать пару слов — отказываюсь. Никто не удивляется: мало ли, может, мне так плохо, что я себя не контролирую. Тогда слово берет Владислав. Ну да, отец у нее железный, это давно известно. А заодно имеет склонность к официальным церемониям...

Содержание речи вполне предсказуемо. Покоренные горы (приходит дурацкая мысль: знают ли горы, что их покорили?), пороги бурных рек и прыжки с парашютом. Но умерла она не в горах, а дома — от инфаркта. В тридцать четыре. Пути Господни порой неисповедимы.

— Марина была храбрым человеком, — говорит Владислав. — Я бы даже сказал, примером. Но для нас она была в первую очередь любимой дочерью...

Куда же без этого замечания. Мне хочется поскорее уйти, но сейчас это привлечет внимание и принесет больше проблем, чем облегчения.

На следующей неделе я чувствую явную скованность в поведении друзей и коллег. Гриша спрашивает, не хочу ли я встретиться, посидеть. Впервые за два года. С улыбкой отказываюсь, и он явно смущается. Девочки из отдела продаж тихо шепчутся в столовой.

Да, это были очень счастливые отношения. И самые длинные — для меня. Пять лет брака. Верил бы я во всякую эзотерику, непременно добавил бы, что Марина была «той самой», но нет, мы просто очень хорошо друг другу подходили. И очень друг друга любили. Впрочем, говорить о последнем в прошедшем времени, пожалуй, неправильно. Ведь я не разлюбиваю.

Марина давно ходила рука об руку со смертью, и я тоже привык к этому. Когда впервые, на пике Сомони, с ее группой пропала связь, весь день места себе не находил. С тех пор это случалось слишком много раз, чтобы переживать так же сильно — никаких нервов не хватает.

Мы не хотели заводить детей до того, как она завяжет с горами. Но вот не успели. И горы оказались ни при чем — наверно.

У меня-то есть Катя. Моя жизнь продолжается в дочери от прошлого брака, а Марина так и осталась одиночкой, последним листом на ветке.

Начальник предлагает отпуск. Тем более у меня накопилось прилично. Раздумываю с минуту и соглашаюсь. Почему бы и нет?

Новость о том, что я еду пожить в Крым, похоже, вызывает у стареньких родителей облегчение. Они уж не понимали, как со мной общаться: совсем не видели горя. А тут оказывается, что мне просто надо побыть одному. Это все объясняет.

Найти жилье в Крыму — раз плюнуть. Особенно осенью. Особенно если тебе все равно, где жить. Я не использую Интернет или телефон. Просто еду в Симеиз и подхожу к бабулям с табличками на шее. Комната в гостевом доме, туалет и кухня общие... не продолжайте, подходит. Хозяйке под пятьдесят, зовут Наталья. Моя компания на ближайшие несколько недель.

— Андрей, — представляюсь я.

Никто здесь не знает, кто я такой. А мои друзья и близкие — не знают, где я. Мне не придется ничего изображать. Я вообще никому ничего не должен.

Весь первый день валяюсь в комнате. Белье на кровати чуть влажное, матрас продавливается. Попеременно разглядываю стены и вид за окном.

Под вечер голод выгоняет на улицу — приходится спуститься в город. Наползают сумерки, в кустах стрекочут сверчки. Сосны едва уловимо пахнут хвоей. Не так уж и плохо. Значит, завтра отправлюсь гулять.

Просыпаюсь от того, что солнце светит в глаза. Жарко. Не представляю, который час и где я нахожусь. Потом все вспоминаю. Но ни к чему сейчас это пережевывать. Пора двигаться.

Половина магазинов закрыта, но рядом с автостанцией продают кофе и булочки. Кофе горький и противный, а булочка с капустой и яйцом липкая — будто от джема.

Прохожу по аллейке между соснами и спускаюсь на пляж. Волны разбиваются о камни, вздымая в воздух холодную соленую взвесь. Лицо покалывает.

Людей — никого. Справа, метрах в ста, — забор. Домишки взбираются вверх по склону. За ними сереет гора Кошка.

Налево — бесконечный пляж. Значит, мне сюда.

Переступаю с одного валуна на другой. Балансирую. В свое время я так и не смог понять этого. Камни, рюкзаки, веревки, карабины. Закладки, кошки, ледорубы... Марина говорила, я неплохо справляюсь. А с чем справляться-то? Надо просто работать и постоянно терпеть. Терпеть холод, усталость, голод, напарников, которые тебе не нравятся. А страх... его тоже нужно терпеть. Такой вот спорт — для терпеливых.

Путь мне преграждает пирс с забором — дальше территория пансионата. Берусь за прутья, переступаю вбок, облезаю угол, спрыгиваю. И здесь ни души. Корпус выглядел бы пустым, если бы не одежда, сохнувшая на одном из балконов. Может, там живет сторож...

Иду вперед еще с час, минуя валуны, ржавую лестницу, забытые фанерой кафе, сбегающий в море грязный ручеек, разрушенный причал, рыбаков на пирсе... Пляж заканчивается каменным мысом. Он почти отвесный, и волны разбиваются о его бок, взлетают по стене. Желтый камень намок и стал бурым.

Смеркается. Стопы и колени слегка ноют от долгой ходьбы. Разворачиваюсь. Вдалеке сереет Кошка. Отправляюсь в обратный путь.

Кофе и булочки у автостанции, потом сон без снов: знаю, на самом деле мне что-то снилось, но я не запомнил. Холодная вода в лицо с утра, «доброе утро» хозяйке, снова кофе с булочками и путь на пляж. Санаторий, валуны, ржавая лестница, кафе, ручей, разрушенный причал, рыбаки. Мыс. Смеркается. Разворачиваюсь и иду назад, в сторону Кошки.

В очередное утро хозяйка странно мнетя, пока я спускаюсь по лестнице. Потом выдает:

— Андрей, у вас какие планы, чтоб мне понимать... сами понимаете...

— Нет, — говорю.

Я и впрямь не могу сообразить, о чем она. Ах вон оно что! Прошла неделя. Даю еще денег. Хозяйка смотрит странно, но деньги прячет в карман фартука. Кофе с булочками у автостанции. Иду на пляж...

Выходит, телефон я не включал уже неделю — по крайней мере.

Санаторий. Облезаю забор по уголку.

Я ведь знаю, что, по идее, надо делать дальше. Тут и гением быть не обязательно. При любой утрате надо не думать о самой утрате и не пытаться забыть о ней — надо сосредоточиться на новом. Новые цели, интересы. Сорок... отличный возраст.

Балансирую на валунах. Слева остается ржавая лестница без ступеней.

Может, купить лодку и стать рыбаком. Или начать рисовать картины. Только я заранее знаю, что меня ждет. Долгая, тяжелая, упорная работа. И, наверное, неплохой результат: Марина правильно замечала, что мне все неплохо дается. Но дело не в способностях: надо просто терпеть и работать.

Когда-нибудь я смогу привозить домой по три кило рыбы. Нарисую этот пляж. А дальше что?

Кафе заколочены фанерой. Перехожу по доскам унылый ручеек. На громадных плитах, оставшихся от разрушенного причала, сидит на корточках молдая брюнетка в черной куртке и фотографирует подругу. Та позирует на фоне моря. Светлая кофточка, джинсы, кроссовки. Симпатичная. Крашенные светлые волосы откинула в сторону. Похоже, хотела, чтобы они развевались, но ветер как назло улегся. На море штиль.

Здесь, на пляже, нет никого, кто поучил бы меня морали: только похоронил жену, а уже другую раз-

глядывает. Поэтому я могу смотреть сколько угодно, вглядываться... и понимать, что не вижу ничего интересного.

Ну да, конечно... если случайная девушка на пляже кажется мне пустышкой, это не значит, что весь женский род ни на что не годится. Напротив, и кроме Марины есть много храбрых и нежных. Вопрос не в этом.

Я не нуждаюсь в любви другой. Мне не нужна ни ласка, ни объект ласки. Я отдал все — и получил в ответ достаточно.

Рыбаки на пирсе. Мыс. Море тихо плещется внизу, всхлипывает в расщелинах. Поворачиваю назад. Уже почти темно. На разрушенном причале пусто. Перехожу ручей.

Утром умываюсь холодной водой и пью кофе с булочками у автостанции. Балансирую на валунах. Хозяйка снова просила денег. Второй раз или третий? Во всяком случае, это похоже на осень. Ветер свищет будь здоров. Облезаю забор санатория. Волна разбивается о пирс, и меня окатывает брызгами. Джинсы промокают. Кое-как спрыгиваю на пляж, покачиваюсь.

Ржавая лестница. Кафе.

Слева, у подножия осыпающегося склона, что тянется вдоль пляжа, я краем глаза замечаю что-то вроде насекомого. Не обращаю внимания, но оно то и дело снова возникает на границе зрения. Длинное и тонкое черное туловище, такие же тонкие конечности. Будто человек, что двигается на четвереньках. Вроде даже голова имеется. Поворачиваюсь влево, и насекомое тут же исчезает в незаметной щели на склоне.

Двигаюсь дальше. Через ручеек, к разрушенному причалу.

С утра умываюсь холодной водой. Зеркало тут висит не над раковиной, а на террасе. Спускаясь, за чем-то решаю подойти и заглянуть. У меня отросла борода, волосы выглядят спутанными, но это пустяки. А вот глаза мне не нравятся. Поскорее отворачиваюсь. Иду на автостанцию — за кофе и булочками.

Балансирую на валунах, вновь замечаю краем глаза черного палочника. Интересно. Холодает, и они выбрались из нор — так, что ли. Облезаю забор и спрыгиваю на пляж санатория. Корпус выглядит совершенно заброшенным. Его жалкие мутные глазницы вглядываются в меня, умоляя убить. Но слабо, еле слышно. Иду по гальке. Справа шуршит море, а слева копошится в сухих водорослях черный палочник.

Он следует за мной всю дорогу. То скрывается где-то среди камней или в жухлых кустах, то вновь появляется. Но стоит мне повернуться лицом, как он прячется. То ли боится, то ли стесняется. Когда дохожу до мыса, уже темно, и я поворачиваю назад.

С утра зябко. Кашляю, но умываюсь холодной водой. Пью кофе с булочками на автостанции. Спешу на пляж. Гулять с палочником интереснее, чем одному. Мне кажется, он немного подрос. Пару раз, когда он занят своими делами, мне удастся чуть повернуть голову и разглядеть его получше. На голове у него две янтарные точки — глаза. Он кого-то мне напоминает, но я не понимаю, кого.

Прохожу ржавую лестницу, кафе, заколоченные фанерой, ручеек. Ступаю по плитам, оставшимся от разрушенного причала. Справа торчат из земли ржавые металлические опоры, и палочник, перебирая ножками, карабкается по одной из них. Бросаю взгляд влево — и там он ползет по трещине в склоне. Интересно.

Пирс пуст — рыбаки исчезли. Дохожу до мыса. Он кажется мне каким-то измельчавшим. Поворачиваю назад. Уже почти темно. Вдалеке сереет Кошка.

Умываюсь холодной водой. Когда спускаюсь, хозяйка пытается что-то мне втолковать. Похоже, она уезжает на время, но не против, чтобы я остался. Лезу за деньгами... а, нет, оказывается, уже оплатил. Иду на автостанцию за кофе и булочками.

Палочник явно растет. Вначале он был с ладонь, потом с локоть. Теперь с небольшую собаку. Ловко ползает по камням, шуршит в кустах, отсвечивает янтарными глазками.

Облезаю забор по уголку. Балансирую на валунах. Вместо ржавой лестницы — изломанный хребет палочника. Он подрагивает, затем его ножки распрямляются, и он выползает наверх, на склон. Сверху сыпятся мелкие камни.

Кафе заколочено фанерой.

Прохожу разрушенный причал. Темнеет. Из-за мыса выглядывает палочник, но тут же скрывается. Уже совсем темно. Море скулит внизу.

Разворачиваюсь. Кошка вдалеке выглядит необычно. Гигантский палочник разлегся по хребту, приняв его очертания. Будто огни маяка, поблескивают круглые янтарные глаза.

Иду назад, оскальзываясь на валунах и по памяти находя доску через ручеек. Пляж санатория и забор. Поднимаюсь в поселок, но сворачиваю не направо, к автостанции, а налево, к Кошке. Иду вдоль дороги. Кажется, здесь должны ездить машины, но нет — ни одной. Палочник понимает мои намерения и подбирает ножки, будто паук, готовясь отползть. Я делаю жест: стой! Не знаю, поймет ли он. Два огромных янтарных глаза продолжают следить за мной.

Парковка перед Кошкой пуста. Залезаю на парапет и карабкаюсь по тропе. Под ногами едут и осыпаются камни. Свет только от луны, да и тот не сильно помогает: вдоль тропы растут сосны. Но я не боюсь упасть.

Взбираюсь все выше. Иду по кромке камня, держась руками за колючую трещину. Справа обрыв. Вдруг это кажется мне смешным. Отпускаю руки и прохожу легко и свободно, будто по парку.

Дальше уже нужно лезть. Кряхчу: давненько я не лазал. Упираюсь руками в боковые камни, распираюсь, ставлю ноги и тянусь выше. Снова поднимаю ноги. Склон здесь видно уже чуть лучше. Похоже, его освещают глаза палочника.

Выбираюсь на вершину. Сейчас я, наверное, на голове Кошки. Да, вот оно, тело палочника — совсем рядом. Будто толстый ствол дерева, но черный, блестящий. Он кажется мне мерзким, и я отворачиваюсь. Взбираюсь на камень — ухо Кошки.

— Эй! — зову негромко, но настойчиво.

Голова палочника показывается снизу, из-за скалы. Вначале пугливо, потом смелее. Яйцевидная, черная, блестящая, размером с три-четыре моих ту-

ловища. Огромные янтарные глаза светят и тихо гудят. У палочника нет рта.

— Кто ты? — шепчу.

Палочник молчит. Но я и сам вдруг понимаю, кого он мне напоминал. Палочник как будто тоже понял, что я понял.

— Что ты можешь?

Палочник молчит и поворачивает голову чуть в сторону, к побережью. Он может все. Ну да... я знал это. Ведь я его создал. А раз так... то и я могу все?

— А могу я стать тобой?

Палочник снова сморит прямо на меня. В его гудящих глазах мне видится любопытство.

Я шагаю вперед. Меня поглощает янтарный свет, потом темнота. Я падаю куда-то, растворяюсь в гигантском туловище... и обретаю себя в нем. Я чувствую гибкое и мощное тело. Шевелю плечами, перебираю ножками по камням. Я обнимаю гору — и весь мир.